

СУД
ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОЮЗА

*Обзор практики
международных судебных органов
и судов государств – членов Союза
по вопросам, представляющим
интерес для Суда ЕАЭС*

Январь 2026, № 6

подготовлен Секретариатом Суда ЕАЭС

Оглавление

Список сокращений	4
Международные судебные органы	5
Суд Европейского союза	5
1. <i>Комиссия против Польши (Независимость и частная жизнь судей) (C-204/21):</i> недопустимость вмешательства в деятельность судей, неприкосновенность их частной жизни и защита персональных данных	5
2. <i>J. P. Mali (C-653/22):</i> соблюдение принципа пропорциональности при наложении штрафа за недоплату таможенных платежей	7
3. <i>Super Bock Bebidas (C-211/22):</i> установление минимальной цены перепродажи товара.....	9
4. <i>European Superleague Company SL против FIFA, UEFA (C-333/21):</i> злоупотребление доминирующим положением футбольными ассоциациями при установлении запретов и ограничений на организацию и участие клубов в альтернативных соревнованиях.....	12
Суд Андского сообщества	16
5. <i>Dorling Kindersley Limited и др. против Управления промышленности и торговли Республики Колумбия (145-IP-2022, 261-IP-2022, 350-IP-2022, 391-IP-2022):</i> признание «доктрины разъясненного акта».....	16
6. <i>SUGARLATAM против Эквадора (02-AI-2019):</i> правила и условия введения корректирующих защитных мер.....	19
Карибский суд	22
7. <i>Ellis Richards, Medical Benefits Board Spencer Thomas и др. против Тринидада и Тобаго:</i> возможность вступления в дело новых истцов	22
Европейский суд по правам человека.....	24
8. <i>UAB Kesko Senukai Lithuania против Литвы:</i> право на уважение частной жизни и корреспонденции в ходе выездной проверки антимонопольным органом	24
9. <i>Georgiou против Греции:</i> нарушение права на справедливое судебное разбирательство в результате отказа в направлении преюдициального запроса	26
Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации	28
10. <i>Споры ЕС, Японии и Тайваня против Индии о таможенном тарифе в отношении продуктов информационных технологий (DS582, DS584, DS588):</i> недопустимость ссылки на техническую ошибку при несоблюдении процедуры исправления	28
Административный трибунал Международной организации труда	31
11. <i>R. v. Eurocontrol:</i> условия для признания нарушения «приобретенного права» международного служащего	31

Судебная практика государств – членов ЕАЭС.....	33
Республика Казахстан	33
12. <i>Дополнительное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 22 мая 2023 года № 17-НП: о порядке принятия решений ЕЭК о применении или неприменении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, и их обязательности для Республики Казахстан.....</i>	33
13. <i>Постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 22 февраля 2023 года № 3: вопрос соответствия закона требованиям формальной определенности.....</i>	36
14. <i>Определение Специализированного межрайонного экономического суда города Алматы от 15 мая 2023 года (№ 7527-20-00-2/4404, 7527-23-00-2/6568): пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с решением Суда Союза</i>	38
Кыргызская Республика.....	41
15. <i>Постановление Верховного суда Кыргызской Республики по делу № АД-209/22 абс3 от 6 марта 2023 года: прекращение обязанности по уплате сумм таможенных и иных платежей в связи с включением в реестр инвестиционных проектов, соответствующих приоритетным видам деятельности</i>	41
Российская Федерация	43
16. <i>Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2023 года № 12-П: вопрос о толковании понятия «контроль» для целей применения исключения из запрета картельного соглашения.....</i>	43
17. <i>Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 2023 года № 2705-О: соблюдение принципа правовой определенности при введении в закон юридических конструкций бланкетного характера.....</i>	45
18. <i>Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС23-1712: обеспечение равенства правового положения участников оборота, ведущих деятельность в разных государствах-членах, при осуществлении единого таможенного регулирования</i>	48
19. <i>Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 августа 2023 года по делу № А09-1751/2021: включение лицензионных платежей в таможенную стоимость.....</i>	50
20. <i>Постановление Арбитражного суда Поволжского округа по делу № А65-15787/2022 и решение Арбитражного суда Приморского края по делу № А51-15433/2022: обращение к решениям ЕЭК, ухудшающим правовое положение лиц</i>	51

Список сокращений

ВТО – Всемирная торговая организация

ДЕС - Договор о Европейском союзе

Договор, Договор о Союзе – Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года

ДФЕС - Договор о функционировании Европейского союза

ЕАЭС, Союз – Евразийский экономический союз

ЕКПЧ – Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод

ЕСПЧ – Европейский суд по правам человека

ЕЭК, Комиссия – Евразийская экономическая комиссия

ГАТТ 1994– Генеральное соглашение по тарифам и торговле

ТК – Таможенный кодекс

ТК ЕАЭС – Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года

ТН ВЭД – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности

Международные судебные органы

Суд Европейского союза

1. Комиссия против Польши (С-204/21¹): недопустимость вмешательства в деятельность судей, неприкосновенность их частной жизни и защита персональных данных²

В решении от 5 июня 2023 года Суд ЕС рассмотрел спор по иску Европейской комиссии против Польши о невыполнении обязательств, предметом которого стала проверка соответствия проведенной Польшей судебной реформы требованиям права ЕС.

Европейская комиссия в своем иске просила признать нарушение статьи 19(1) Договора о Европейском союзе (далее – ДЕС), статей 7, 8 и 47 Хартии Европейского Союза об основных правах (далее – Хартия), а также статьи 267 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС), положений Общего регламента по защите данных³, а также принципа верховенства права ЕС в контексте независимости судебной власти.

В иске против Польши Европейская Комиссия оспаривала реформу польской судебной системы, а именно создание Дисциплинарной палаты Верховного суда Польши (Izba Dyscyplinarna Sądu Najwyższego), которая имела достаточно широкие полномочия в сфере привлечения к дисциплинарной ответственности судей, в том числе за содержание принимаемых ими судебных актов. При этом члены Дисциплинарной палаты назначались Национальным судебным советом, на который, по мнению Комиссии, оказывалось политическое влияние, что ставило под угрозу ее независимость.

В свою очередь Польша защищала реформу, указывая на национальный суверенитет и конституционную идентичность, ссылаясь на решения Конституционного трибунала, согласно которому право ЕС не может превалировать над Конституцией. Она утверждала, что процедуры назначения судей и гарантии их статуса обеспечивают независимость, а реформы соотносятся с практикой других государств.

Суд ЕС удовлетворил иск Европейской комиссии, указав, что Польша нарушила свои обязательства по праву ЕС. Суд подтвердил, что статья 19 ДЕС обязывает государства-члены обеспечивать эффективную

¹ ECLI:EU:C:2023:442

² Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.С. Орловой.

³ Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года.

судебную защиту в сферах, регулируемых правом Европейского союза, для чего каждый национальный суд государства-члена, включая специализированные дисциплинарные палаты, должен быть независимым и беспристрастным.

Как указал Суд ЕС, Европейский союз основан на общих ценностях, включая верховенство права, и их соблюдение обязательно для всех государств-членов. Государства-члены должны создать систему средств правовой защиты и процедур, гарантирующих соблюдение права отдельных лиц на эффективную судебную защиту в областях, охватываемых правом ЕС. Принцип эффективной судебной защиты прав лиц является общим принципом права ЕС, вытекающим из конституционных традиций, общих для государств-членов, который был закреплен в статьях 6 и 13 ЕКПЧ и который нашел свое отражение в статье 47 Хартии. Государства-члены должны соблюдать, в частности, требование о независимости судов, вытекающее из статьи 2 и статьи 19(1) ДЕС.

В силу принципа верховенства права ЕС отсылки государств-членов на нормы национального права, даже конституционного, не могут нарушать единство и эффективность права ЕС. В соответствии с устоявшейся судебной практикой принцип верховенства права ЕС носит обязательный характер для всех органов государства-члена, положения внутреннего законодательства, включая конституционные нормы, не могут входить с ним в противоречие. Соблюдение этого обязательства необходимо для обеспечения равенства государств-членов перед учредительными договорами и представляет собой выражение принципа лояльного сотрудничества, закрепленного в статье 4(3) ДЕС.

Закрепление в национальном законодательстве полномочий принимать решения по таким вопросам, как лишение судьи иммунитета, уголовное преследование, задержание, лишение права на социальное обеспечение и выход на пенсию, делает любого «судью, призванного применять право ЕС» уязвимым для вмешательства. Суд ЕС указал, что национальное законодательство, которое позволяет подвергать судей дисциплинарному наказанию за использование ими права на преюдициальный запрос, является прямым нарушением статьи 267 ДФЕС.

Суд ЕС подчеркнул, что право (и обязанность) национального суда направлять преюдициальные запросы является краеугольным камнем всей правовой системы ЕС. Оно обеспечивает единообразное толкование и применение права ЕС на всей территории Союза. Любая попытка воспрепятствовать этому праву, в том числе через угрозу

дисциплинарного преследования, подрывает саму основу правовой системы Европейского союза.

Также Суд ЕС рассмотрел польское законодательство, содержащее требования для судей декларировать прошлое и настоящее членство в политических партиях и ассоциациях, а также публикацию таких данных в интернете. Судом ЕС данные требования были расценены как обработка «особых категорий» персональных данных в соответствии с Общим регламентом по защите данных, подпадающих регулирование статей 7 и 8 Хартии. Суд ЕС признал данные требования серьезным вмешательством в основные права на неприкосновенность частной жизни и защиту данных и постановил, что данные меры не являются обоснованными, необходимыми или соразмерными.

2. J. P. Malí (C-653/22⁴): соблюдение принципа пропорциональности при наложении штрафа за недоплату таможенных платежей⁵

В решении от 23 ноября 2023 года по делу C-653/22 Суд ЕС рассмотрел вопрос, касающийся толкования статьи 42(1) Регламента № 952/2013 Европейского парламента и Совета от 9 октября 2013 года (далее – Регламент), утверждающего Таможенный кодекс Европейского союза, в части пропорциональности наложения штрафа за недоплату таможенной пошлины.

В 2017 и 2018 годах венгерская компания JP Malí импортировала велосипеды и их комплектующие, приобретённые у компаний, зарегистрированных на Тайване. В поданных её таможенным представителем таможенных декларациях в качестве страны происхождения товаров был указан Тайвань. Таможенным органом Венгрии было установлено, что товары фактически поставлялись из Китая, в связи с чем они подлежали обложению антидемпинговой пошлиной, и потребовал от JP Malí уплаты таможенной задолженности и административного штрафа за недостоверное указание страны происхождения товаров, что отразилось на их таможенной стоимости.

JP Malí обжаловала решение таможенного органа в Апелляционное управление, которое подтвердило его законность. По мнению Апелляционного управления, вследствие неправильного указания страны происхождения товаров таможенная стоимость соответствующих товаров была определена значительно ниже их фактической стоимости, что привело к недоплате таможенных пошлин.

⁴ ECLI:EU:C:2023:912.

⁵ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.Н. Поповой.

JP Mali обжаловал решение Апелляционного управления в национальный суд, утверждая, что наложенный штраф в размере 50% от суммы недоуплаченных таможенных пошлин не пропорционален серьезности правонарушения.

В рамках преюдициального запроса Будапештский городской суд поставил перед Судом ЕС вопрос о том, соответствует ли наложение административного штрафа в размере 50% от недоплаты пошлин общему принципу пропорциональности, закреплённому в статье 42 Регламента.

Как отметил Суд ЕС, неисполнение обязательства по предоставлению точной и полной информации в таможенной декларации представляет собой «несоблюдение таможенного законодательства» в значении статьи 42(1) Регламента. Это понятие охватывает любое несоблюдение таможенного законодательства ЕС, независимо от того, было ли оно преднамеренным или небрежным. Суд ЕС указал, что каждое государство-член обязано предусмотреть в соответствии со статьёй 42(1) Регламента эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции, в частности, за указание недостоверной информации в таможенной декларации, в том числе в ситуациях, характеризующихся добросовестностью импортёра, полагавшегося на официальные сертификаты, выданные за пределами таможенной территории Европейского Союза.

Суд ЕС установил, что наложенный административный штраф в размере 50% суммы недополученной таможенной пошлины, вызванной предоставлением неверной информации, может рассматриваться как санкция, оказывающая эффективное и сдерживающее воздействие по смыслу статьи 42(1) Регламента. Такое наказание, вероятно, побудит участников внешнеэкономической деятельности принять все необходимые меры для обеспечения наличия у них достоверной информации об импортируемых товарах, а также для обеспечения корректности и полноты информации, предоставляемой ими в таможенных декларациях.

Что касается соразмерности рассматриваемого наказания, то, по мнению Суда ЕС, в отсутствие гармонизации законодательства ЕС в области санкций за нарушение таможенного законодательства, государства-члены имеют право выбирать санкции, которые кажутся им целесообразными. Однако они должны осуществлять эти полномочия в соответствии с общими принципами права ЕС и, следовательно, в соответствии с принципом пропорциональности. Государства-члены обязаны соблюдать этот принцип в том числе при оценке факторов, которые могут быть приняты во внимание при установлении штрафа.

Суд ЕС пришёл к выводу, что из информации, предоставленной национальным судом, следует, что штраф в размере 50% от суммы недополученной таможенной пошлины не выглядит чрезмерным в свете важности цели, преследуемой таможенным законодательством ЕС. Суд ЕС отметил, что венгерское законодательство позволяет в значительной степени учитывать поведение соответствующего участника внешнеэкономической деятельности, в частности, увеличивая размер штрафа до 200% в случае мошеннической деятельности и уменьшая размер штрафа до 25% от недоплаченных таможенных пошлин, если этот участник действует добросовестно и требует внесения изменений в таможенную декларацию путём предоставления достоверной информации. В свете вышеизложенного такие правила позволяют обеспечить соблюдение принципа пропорциональности.

3. Super Bock Bebidas (C-211/22⁶): установление минимальной цены перепродажи товара⁷

В решении от 29 июня 2023 года Суд ЕС рассмотрел вопрос о соответствии правилам конкуренции соглашений об установлении минимальных цен перепродажи товаров.

Поводом для обращения в Суд ЕС с преюдициальным запросом стало судебное разбирательство в Апелляционном суде Лиссабона между компанией Super Bock Bebidas SA (Super Bock), а также двумя ее должностными лицами и Управлением по вопросам конкуренции (Португалия) относительно законности решения последнего о нарушении данными лицами правил конкуренции и привлечении их к ответственности в виде наложения штрафов.

Из обстоятельств дела следует, что компания Super Bock занимается производством и продажей пива, бутилированной воды, безалкогольных напитков, холодного чая, вина, сангрии и сидра.

Сектор, в котором имело место предполагаемое противоправное поведение, связан с закупкой напитков, произведенных в отелях, ресторанах и кафе, то есть для потребления вне дома. Для распространения напитков через этот сектор в Португалии Super Bock заключила эксклюзивные дистрибьюторские соглашения с независимыми дистрибьюторами.

Согласно фактам, установленным в ходе расследования, в период с 15 мая 2006 года по 23 января 2017 года компания Super Bock регулярно

⁶ ECLI:EU:C:2023:529

⁷ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.Е. Рафалюк.

устанавливала и навязывала всем дистрибьюторам условия ведения бизнеса, которые они были обязаны соблюдать при перепродаже продукции, в частности, установленные Super Bock с целью обеспечения стабильного и единообразного уровня минимальных цен на национальном рынке минимальные цены перепродажи.

Антимонопольный орган посчитал, что практика установления прямыми и косвенными способами цен и других условий, применимых к перепродаже продукции сетью независимых дистрибьюторов практически на всей территории Португалии, представляет собой нарушение антимонопольного законодательства Португалии и статьи 101(1) ДФЕС.

Отвечая на преюдициальный запрос национального суда, Суд ЕС заключил, что статья 101(1) ДФЕС должна толковаться таким образом, что вывод о том, что вертикальное соглашение, устанавливающее минимальные цены перепродажи, влечет за собой «ограничение конкуренции по цели» (*‘restriction of competition by object’*)⁸, может быть сделан только после определения того, что такое соглашение представляет достаточную степень вреда для конкуренции, с учетом характера его условий, целей, которых оно стремится достичь, и всех факторов, характеризующих экономический и правовой контекст, частью которого оно является.

Применительно к вопросам о наличии «соглашения» в значении статьи 101(1) ДФЕС, когда поставщик устанавливает для своих

⁸ В соответствии со статьей 101(1) ДФЕС следующие действия несовместимы с внутренним рынком: все соглашения между предприятиями, решения объединений предприятий и согласованные действия, которые могут повлиять на торговлю между государствами-членами и которые имеют своей целью или результатом недопущение, ограничение или искажение конкуренции на внутреннем рынке. Как указал Суд ЕС в решении по рассматриваемому делу, чтобы соответствовать запрету, установленному этим положением, соглашение должно иметь своей «целью или следствием» (*‘object or effect’*) недопущение, ограничение или искажение конкуренции на внутреннем рынке. Суд ЕС отметил, что основным правовым критерием для определения того, подразумевает ли соглашение, горизонтальное или вертикальное, «ограничение конкуренции по цели», является вывод о том, что соглашение само по себе представляет достаточную степень вреда для конкуренции. Для определения того, выполняется ли этот критерий, необходимо учитывать содержание положений соглашения, его цели, экономический и правовой контекст, частью которых оно является. Кроме того, если стороны соглашения полагаются на его проконкурентные последствия, эти последствия должны учитываться как элементы контекста данного соглашения. Таким образом, для определения того, содержит ли вертикальное соглашение об установлении минимальных цен перепродажи «ограничение конкуренции по цели» в значении статьи 101(1) ДФЕС, суду необходимо установить, представляет ли это соглашение достаточную степень вреда для конкуренции в свете критериев, указанных Судом ЕС в рассматриваемом решении.

дистрибьюторов минимальные цены перепродажи на продукцию, которую он продает, Суд ЕС отметил, что согласно устоявшейся судебной практике, для констатации наличия «соглашения», предприятиям достаточно выразить совместное намерение вести себя на рынке определенным образом.

Суд ЕС также уточнил, что действие или поведение будет представлять собой соглашение в значении статьи 101(1) ДФЕС, если оно является выражением воли по крайней мере двух сторон, причем форма, в которой выражено это согласие, сама по себе не имеет решающего значения.

Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что согласно статье 101(1) ДФЕС «соглашение» существует, когда поставщик навязывает своим дистрибьюторам минимальные цены перепродажи товаров, если навязывание этих цен поставщиком и соблюдение их дистрибьюторами отражает выражение согласования воли этих сторон. Это согласование воли может следовать из условий рассматриваемого дистрибьюторского договора, которое содержит прямое приглашение соблюдать минимальные цены перепродажи или уполномочивает, по крайней мере, поставщика навязывать эти цены, а также из поведения сторон и, в частности, из любого явного или молчаливого согласия со стороны дистрибьюторов на приглашение соблюдать минимальные цены перепродажи.

Касательно толкования статьи 101 ДФЕС в части доказательств существования «соглашения» между поставщиком и его дистрибьюторами Суд ЕС заключил, что статья 101 ДФЕС, рассматриваемая совместно с принципом эффективности, должна толковаться как означающая, что существование «соглашения» в значении этой статьи между поставщиком и его дистрибьюторами может быть установлено не только посредством прямых доказательств, но и на основе объективных и последовательных признаков, из которых можно сделать вывод о существовании такого соглашения.

***4. European Superleague Company SL v. FIFA, UEFA (C-333/21⁹):
злоупотребление доминирующим положением футбольными
ассоциациями при установлении запретов и ограничений на
организацию и участие клубов в альтернативных соревнованиях¹⁰***

В решении от 21 декабря 2023 года Суд ЕС рассмотрел вопрос о признании действий футбольных федераций (ФИФА, УЕФА) по предварительному одобрению участия в соревнованиях в качестве злоупотребления доминирующим положением (ст. 102 ДФЕС), а также антиконкурентным соглашением в соответствии со статьей 101 ДФЕС.

Поводом для обращения в Суд ЕС с преюдициальным запросом стало судебное разбирательство в Коммерческом суде Мадрида, где Суперлига как юридическое лицо оспаривала заявление футбольных федераций об отказе признавать Суперлигу как альтернативное соревнование, а также санкции в отношении игроков и клубов, участвующих в Суперлиге (исключения из соревнований ФИФА, УЕФА, иных дисциплинарных мер, в т.ч. исключения их из некоторых крупных европейских и мировых соревнований).

Суперлига указала, что заявления ФИФА, УЕФА и национальных ассоциаций-членов являются незаконными, поскольку ФИФА и УЕФА занимают монопольное или доминирующее положение на рынке организации и маркетинга международных футбольных соревнований, а также эксплуатации различных прав, связанных с этими соревнованиями, что является несовместимым с положениями Уставов ФИФА и УЕФА и статьями 101 и 102 ДФЕС, а также положениями, касающимися основных свобод, гарантированных ДФЕС.

В решении Суд ЕС отметил, что рассматриваемые им вопросы касаются исключительно набора правил, принятых ФИФА и УЕФА о предварительном одобрении международных межклубных футбольных соревнований и участия в них профессиональных футбольных клубов и их игроков, с одной стороны, и использовании различных прав, связанных с этими соревнованиями, с другой, а все правила, по которым ему были переданы вопросы, подпадают под действие положений ДФЕС, касающихся права конкуренции, а также положений, касающихся свободы передвижения, поскольку спортивная практика как вид экономической деятельности, регулируется правом ЕС, за исключением некоторых правил неэкономического характера, представляющих интерес исключительно для спорта.

⁹ ECLI:EU:C:2023:1011

¹⁰ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Д.В. Семашко.

Отметив, что ФИФА и УЕФА должны классифицироваться как «предприятия» для целей антимонопольного права ЕС в той мере, в какой они осуществляют экономическую деятельность (в т.ч. организация футбольных соревнований), Суд ЕС, отметил, что особые характеристики профессионального футбола подтверждают законность установления общих правил по организации и проведению международных профессиональных футбольных соревнований, а также обеспечивать соблюдение этих правил, аналогично тем, которые введены ФИФА и УЕФА о предварительном одобрении этих соревнований и участии в них клубов и игроков.

Однако, принятие и реализация таких правил предварительного одобрения, участия и санкций, когда для этих правил нет рамок, предусматривающих существенные критерии и подробные процессуальные правила, подходящие для обеспечения их прозрачности, объективности, точности, недискриминационного и соразмерного характера, представляет собой злоупотребление доминирующим положением в соответствии со статьей 102 ДФЕС.

Касательно применения статьи 101 ДФЕС Суд отметил, что, хотя заявленные причины принятия правил о предварительном одобрении межклубных футбольных соревнований могут включать в себя преследование законных целей (обеспечение соблюдения принципов, ценностей и правил игры, лежащих в основе профессионального футбола), они наделяют ФИФА и УЕФА полномочиями разрешать, контролировать и устанавливать условия доступа на соответствующий рынок для любого потенциально конкурирующего предприятия и, следовательно, определять как степень конкуренции, которая может существовать на этом рынке, так и условия, в которых эта потенциальная конкуренция может осуществляться.

В то же время, в случаях, когда нет рамок, предусматривающих такие существенные критерии или подробные процессуальные правила, такие правила по своей природе могут нанести достаточную степень вреда конкуренции. Соответственно, они подпадают под запрет, установленный в статье 101(1) ДФЕС.

Суд отметил, что определённое поведение и правила (например, этические), принятые ассоциацией, могут выходить за рамки запрета, установленного в статье 101(1) ДФЕС, даже если они имеют неотъемлемый эффект ограничения конкуренции, при условии, что они оправданы преследованием законных целей в общественных интересах, которые сами по себе не являются антиконкурентными по своей природе,

и конкретные средства, используемые для достижения этих целей, действительно необходимы и соразмерны этой цели.

Однако в нем говорится, что такое исключение не применяется в ситуациях, связанных с поведением, которое по своей природе нарушает статью 102 ДФЕС или свидетельствует о достаточной степени вреда, чтобы оправдать вывод о том, что его «целью» является предотвращение, ограничение или искажение конкуренции в значении статьи 101 ДФЕС. Таким образом, рассматриваемое поведение должно с достаточной степенью вероятности позволить достичь повышения эффективности, при этом оставляя пользователям справедливую долю прибыли, полученной от этих преимуществ, и не налагая ограничений, которые не являются необходимыми для достижения этих преимуществ, и не устраняя всю эффективную конкуренцию для существенной части соответствующих продуктов или услуг.

Суд ЕС указал, что согласно устойчивой судебной практике Суда ЕС по статье 102 ДФЕС, недобросовестное (злоупотребительное) поведение предприятия, занимающего доминирующее положение, может не подпадать под запрет, если соответствующее предприятие установит, что его поведение было либо объективно оправдано обстоятельствами, внешними по отношению к предприятию, и соразмерно этому оправданию, либо уравновешено или даже перевешено преимуществами с точки зрения эффективности, которые также приносят пользу потребителю.

В рассматриваемом деле, во-первых, правила, установленные ФИФА и УЕФА, имеют целью зарезервировать организацию любого такого соревнования для этих субъектов, рискуя устранить любую и всю конкуренцию со стороны сторонних предприятий, что означает, что такое поведение представляет собой злоупотребление доминирующим положением, запрещённое статьёй 102 ДФЕС, которое, кроме того, не оправдано техническими и коммерческими потребностями.

Во-вторых, ФИФА и УЕФА должны будут продемонстрировать перед национальным судом, что повышение эффективности может быть достигнуто посредством их поведения, что это повышение эффективности противодействует вероятным пагубным последствиям этого поведения для конкуренции и благосостояния потребителей на соответствующих рынках, что это поведение необходимо для достижения такого повышения эффективности и что оно не устраняет эффективную конкуренцию путем устранения всех или большинства существующих источников фактической или потенциальной конкуренции.

В-третьих, касательно правил ФИФА и УЕФА, применительно к правам, вытекающим из профессиональных межклубных футбольных соревнований, организуемых этими организациями, эти правила могут не только предотвратить любую конкуренцию между профессиональными футбольными клубами, входящими в национальные футбольные ассоциации, являющиеся членами ФИФА и УЕФА, в маркетинге различных прав, связанных с матчами, в которых они участвуют, но и повлиять на функционирование конкуренции в ущерб сторонним предприятиям, работающим на различных медиарынках для услуг, расположенных ниже по течению от этого маркетинга, в ущерб потребителям и телезрителям.

Из этого следует, что такие правила имеют своей «целью» предотвращение или ограничение конкуренции на различных рынках в значении статьи 101(1) ДФЕС и представляют собой «злоупотребление» доминирующим положением в значении статьи 102 ДФЕС, если только не будет доказано, что они оправданы, в частности, в свете достижения повышения эффективности и прибыли, зарезервированной для пользователей.

Таким образом, суд, рассматривающий дело, должен будет определить, позволяют ли переговоры о покупке этих прав с двумя эксклюзивными поставщиками фактическим и потенциальным покупателям снизить свои транзакционные издержки и уменьшить неопределенность, с которой они столкнулись бы, если бы им пришлось вести переговоры на индивидуальной основе с участвующими клубами, и, позволяет ли прибыль, полученная от централизованной продажи этих прав, явно определенную форму «солидарного перераспределения» в футболе на благо всех пользователей.

Суд также констатировал, что правила предварительного одобрения, участия и санкций являются препятствием для свободы предоставления услуг, закрепленной в статье 56 ДФЕС. Позволяя ФИФА и УЕФА осуществлять дискреционный контроль над возможностью для любого стороннего предприятия организовывать и продвигать межклубные футбольные соревнования на территории ЕС, возможностью для любого профессионального футбольного клуба участвовать в этих соревнованиях, а также, как следствие, возможностью для любого другого предприятия предоставлять услуги, связанные с организацией или маркетингом этих соревнований, эти правила имеют тенденцию не только препятствовать или делать менее привлекательными различные соответствующие виды экономической

деятельности, но и полностью их предотвращать, ограничивая доступ для нового участника рынка.

Таким образом, Суд ЕС постановил, что действия ФИФА и УЕФА по предварительному одобрению участия в соревнованиях, санкции а также реализация прав, связанных с этими соревнованиями могут рассматриваться как злоупотребление доминирующим положением по смыслу ст. 102 ДФЕС, а также как антиконкурентное соглашение в соответствии со статьей 101 ДФЕС. В то же время Суд вынес решение о совместимости этих правил о предварительном одобрении, участии и санкциях со свободой предоставления услуг, гарантированной статьей 56 ДФЕС.

Суд Андского сообщества

5. *Dorling Kindersley Limited и др. против Управления промышленности и торговли Колумбии (145-IP-2022, 261-IP-2022, 350-IP-2022, 391-IP-2022)*¹¹: признание «доктрины разъясненного акта»¹²

В решениях от 13 марта 2023 года по делам 145-IP-2022, 261-IP-2022, 350-IP-2022, 391-IP-2022 Суд Андского сообщества осуществил преюдициальное толкование положений права Андского сообщества, касающихся отказа в регистрации товарных знаков по причине их идентичности либо сходства, критериев сравнения конфликтующих товарных знаков¹³, которые ранее уже были предметом разъяснения Суда и в отношении которых был выработан единообразный подход к толкованию. В указанных решениях Андский суд признал отсутствие обязанности национального суда обращаться к наднациональному суду за новым преюдициальным разъяснением той же самой нормы, а также указал на совместимость «правотолковательной доктрины разъясненного акта» (исп. – «*la doctrina interpretativa del acto aclarado*») с положениями

¹¹ Решения Суда Андского сообщества от 13 марта 2023 года по делам 145-IP-2022, 261-IP-2022, 350-IP-2022, 391-IP-2022 / URL: <https://www.tribunalandino.org.ec/index.php/repositorios-de-sentencia-de-interpretacion-prejudicial-que-reconocen-un-acto-aclarado/>

¹² Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.Е. Рафалюк.

¹³ Пункт «а» статьи 136 и статья 151 Решения Комиссии Андского сообщества № 486 «Общий режим промышленной собственности».

абзаца 2 статьи 33 Договора о создании Суда Андского сообщества¹⁴ и статьи 123 Статута Суда Андского сообщества¹⁵.

В рассматриваемых делах Андский суд высказал идентичные позиции относительно применения доктрины «разъясненного акта», отметив, что в практике Суда конца 80-х – начала 90-х годов XX века прослеживался подход, согласно которому предоставление Судом преюдициального заключения не освобождало национальных судей от формулирования новых запросов по аналогичным или схожим случаям. Однако в ходе многолетнего правоприменения Андский суд считал возможным изменить свою позицию по вопросу об обязательности формулирования национальными судьями преюдициальных запросов, аргументируя это загруженностью Суда, соблюдением принципа процессуальной экономии, задержкой рассмотрения других категорий дел.

В основу принятых решений Андским судом была положена доктрина разъясненного акта, разработанная в судебной практике Суда ЕС,¹⁶ согласно которой, если наднациональный суд уже разъяснил объект, содержание и цель нормы посредством ответа на запрос о преюдициальном толковании, и отсутствуют причины для изменения

¹⁴ В соответствии с абзацем вторым статьи 33 Договора о создании Суда Андского сообщества во всех процессах, в которых решение не подлежит обжалованию в соответствии с национальным законодательством, судья приостанавливает процесс и запрашивает непосредственно *de oficio* или по требованию стороны толкование Суда.

¹⁵ Согласно статье 123 Статута Суда Андского сообщества, по собственной инициативе или по просьбе стороны национальный судья, который слушает процесс, в котором решение принимается в единственной или окончательной инстанции, не подлежащей обжалованию в соответствии с национальным законодательством, в котором должны применяться или оспариваются какие-либо нормы, составляющие правовую систему Андского сообщества, должен приостановить процесс и напрямую, простым официальным письмом запросить толкование Суда.

¹⁶ Доктрина европейского права различает доктрину «ясного акта» (*the acte clair doctrine*) и доктрину «разъясненного акта» (*the acte éclairé doctrine*). Согласно доктрине «*acte clair*» очевидные правовые положения не требуют толкования (*clara non sunt interpretanda* – «ясные [правила] не подлежат толкованию»). В деле *CILFIT* (Case 283/81) Суд постановил, что «... правильное применение права Сообщества может быть настолько очевидным, что не оставляет места для разумных сомнений относительно способа разрешения поднятого вопроса. Прежде чем прийти к заключению о том, что дело обстоит именно так, национальный суд или трибунал должен убедиться в том, что вопрос в равной степени очевиден для судов других государств-членов и для Суда. Только при соблюдении этих условий национальный суд или трибунал может воздержаться от передачи вопроса в Суд и взять на себя ответственность за его разрешение.» (пункт 16). Доктрина «*acte éclairé*» предполагает, что Суд может воздержаться от предоставления преюдициального толкования, если «вопрос, поднятый [судом, направляющим запрос], по существу идентичен вопросу, который уже был предметом предварительного решения по аналогичному делу» (Case *Da Costa*, 28-30/62).

подхода судебной практики, то новый запрос о толковании той же нормы исключительно для того, чтобы получить такой же ответ Суда, теряет смысл.

Применив телеологический метод к толкованию абзаца второго статьи 33 Договора о создании Андского суда и статьи 123 его Статута как наиболее соответствующий цели гарантирования андским гражданам своевременного и эффективного правосудия, Суд пришел к выводу о том, что «правотолковательная доктрина разъясненного акта» полностью совместима с указанными статьями Договора и Статута.

Как следствие Андским судом был сформулирован вывод о том, что в тех случаях, когда национальный судья единственной или последней инстанции должен разрешить спор, в котором применяется или оспаривается применение одной или нескольких норм правопорядка Андского сообщества, не является обязательным запрашивать преюдициальное толкование у Андского суда, если этот международный суд ранее уже истолковал данную или данные нормы в одном или более преюдициальных заключениях, опубликованных в Официальном вестнике Картахенского соглашения.

При этом Андский суд указал, что обязанность национального суда обращаться за преюдициальным толкованием сохраняется в следующих случаях:

а) когда Андский суд не осуществил преюдициальное толкование нормы права Андского сообщества¹⁷, которую национальный судья единственной или последней инстанции должен применить;

б) когда одни нормы были истолкованы Андским судом, а другие нормы андского правопорядка, которые также подлежат применению к конкретному случаю, не были разъяснены Судом;

в) национальный судья считает необходимым, чтобы Андский суд разъяснил, расширил или изменил правотолковательный подход, содержащийся в ранее предоставленном решении о преюдициальном толковании;

г) хотя Андский суд уже дал толкование норме (нормам) права Сообщества, у национального судьи возникают неотложные вопросы, касающиеся гипотетических ситуаций, которые теоретически исходят или связаны с указанной нормой и должны быть разъяснены Судом для

¹⁷ В эту категорию также включаются нормы, которые были изменены или заменены другими нормами после того, как Андский суд осуществил их преюдициальное толкование.

того, чтобы он мог более точно и правильно решить дело в национальном процессе.

Судьями Суда Андского сообщества 7 июля 2023 года принята информационная записка, в которой дано разъяснение национальным судам правил применения доктрины разъясненного акта при обращении в Андский суд с запросами о преюдициальном толковании¹⁸.

6. SUGARLATAM против Эквадора (02-AI-2019¹⁹): правила и условия введения корректирующих защитных мер²⁰

Решением от 18 июля 2023 года Андский суд рассмотрел дело по иску о неисполнении, заявленному компанией SUGARLATAM DEL ECUADOR S.A. против Республики Эквадор в связи с предполагаемым неисполнением ей Резолюции Генерального секретариата Андского сообщества от 25 мая 2018 года № 2005, статьи 97 Картахенского соглашения от 26 мая 1969 года, статей 3 и 4 Договора об учреждении Суда Андского сообщества (в ред. от 28 мая 1996 года) и статьи 32 Решения Комиссии Андского сообщества «Гармонизация таможенных режимов» от 13 июля 2007 года № 671.

Причиной обращения истца в Суд стали действия государства-члена, заключающиеся в предъявлении требования истцу об уплате пошлины в размере 45% от стоимости импорта сахара, произведенного в Колумбии компанией SENAЕ, отказе в возврате корректирующих пошлин, а также в возврате платежей, неправомерно взысканных в рамках временной защитной меры после вынесения Резолюции № 2005 Генеральным секретариатом.

В решении по делу Андский суд подтвердил цель производства по делам о неисполнении, которая заключается в обеспечении исполнения обязательств, принятых государствами-членами, то есть в гарантировании эффективности правопорядка Андского сообщества; констатировал наличие единообразной практики Суда по вопросу требований к введению защитных мер, предусмотренных Картахенским соглашением, а также условий их введения; указал на необходимость соблюдения механизма введения корректирующих защитных мер (исп. – *medidas correctivas de salvaguardias*) в соответствии со статьей 97

¹⁸ Записка опубликована в Официальном вестнике Картахенского соглашения от 10 июля 2023 года № 5241.

¹⁹ Решение Суда Андского сообщества от 18 июля 2023 года по делу № 02-AI-2019 / URL: https://www.tribunalandino.org.ec/index.php/jurisprudencia/proceso_judicial/accion_incumplimiento/

²⁰ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.Е. Рафалюк.

Картахенского соглашения; подтвердил позицию о том, что решение Суда о несоблюдении обязательств по иску, поданному частным лицом, является законным и достаточным основанием для требования соответствующей компенсации в национальных судах.

Рассматривая дело, Суд должен был определить нарушил ли Эквадор обязательства по либерализации торговли товарами, принятые государствами-членами в рамках Картахенского соглашения, а также общие обязательства по применению корректирующих защитных мер (статья 97 Картахенского соглашения) и исключений из них, применению правил, составляющих правовую систему Андского сообщества (статья 3 Договора об учреждении Суда Андского сообщества) и применению принципа «добросовестного сотрудничества» (статья 4 Договора об учреждении Суда), кроме того, конкретные обязательства в отношении возврата необоснованно или чрезмерно уплаченных пошлин или налогов (статья 32 Решения Комиссии АС № 671), приостановления применения защитной меры в отношении импорта сахара, произведенного в Андском сообществе, в соответствии с Резолюцией Генерального секретариата № 2005.

Андский суд обратил внимание на значение Программы либерализации как важного механизма Картахенского соглашения для достижения цели по сбалансированному, справедливому и гармоничному развитию стран-членов Андского сообщества посредством экономической и социальной интеграции. Учитывая направленность Программы либерализации на устранение пошлин и ограничений любого рода, Суд указал на то, что государствам-членам следует воздерживаться от применения односторонних национальных мер, представляющих собой пошлину или ограничение любого рода в отношении импорта товаров, произведенных в субрегионе. Суд подтвердил, что Программа либерализации допускает только те исключения из принципа свободы движения товаров, которые прямо предусмотрены Картахенским соглашением.

В части соответствия ограничительных мер Картахенскому соглашению Андский суд отметил, что временные ограничения на импорт товаров, произведенных в странах-членах, могут применяться только в исключительных случаях и при строгом соблюдении соответствующих положений Соглашения, которые должны толковаться ограничительно.

В решении указывалось, что общими характеристиками для всех защитных мер, предусмотренных Картахенским соглашением, являются: корректирующий и временный характер; исключительность мер;

причинно-следственная связь между объектом применения корректирующих мер и ущербом или угрозой его причинения (например, взаимосвязь между импортом и серьезным ущербом экономике страны), пропорциональность.

Суд также дал толкование статье 97 Картахенского соглашения, устанавливающая механизм применения государствами-членами корректирующих защитных мер, допускает применение такой меры при соблюдении следующих условий: (i) Количественное или качественное изменение импорта определенных товаров (государство-член, намеревающееся применить корректирующую защитную меру, должно доказать, что произошло количественное изменение (увеличение) уровня импорта определенного товара или качественное изменение ранее существовавших условий импорта); (ii) Сбой во внутреннем производстве конкретных товаров (наличие ущерба или угрозы ущерба внутреннему производству конкретного товара); (iii) Причинно-следственная связь (взаимосвязь между событием – количественным или качественным изменением импорта – и последствием, ущербом национальному производству конкретного товара); (iv) Пропорциональность (защитная мера должна быть разработана исключительно для корректировки нарушений, причиненных национальному производителю количественными или качественными изменениями импорта).

Кроме того, Андский суд подчеркнул, что принимая во внимание характер защитной меры, предусмотренной в статье 97 Картахенского соглашения, как корректирующей меры, направленной на ограничение торговли, её применение не должно быть дискриминационным и не может быть постоянным ни при каких обстоятельствах, поскольку указанная мера по своей сути носит временный характер, а её действительность обусловлена наличием причин, обосновавших ее применение.

Суд заключил, что статья 97 Картахенского соглашения должна толковаться системно и телеологически во взаимосвязи со статьями 1, 3, 72, 76 и 77 Картахенского соглашения, и учитывая «принцип добросовестного сотрудничества», её положения устанавливают конкретную и обязательную процедуру по введению корректирующих мер, которая должна соблюдаться странами-членами и находиться под контролем Генерального секретариата.

В итоге Суд признал частично обоснованным иск о неисполнении, поданный компанией SUGARLATAM против Республики Эквадор. Андский суд пришел к выводу об отсутствии у него компетенции в части

требования истца о возмещении ему Республикой Эквадор ущерба вследствие неисполнения. Андский суд постановил о неисполнении Республикой Эквадор статьи 97 Картахенского соглашения, статей 3 и 4 Договора об учреждении Суда Андского сообщества, статьи 32 Решения № 671 Комиссии Андского сообщества и Резолюции № 2005 Генерального секретариата Андского сообщества. Кроме того, Андский суд предписал Эквадору принять необходимые и соответствующие меры, направленные на прекращение поведения, которое было объявлено противоречащим правопорядку Андского сообщества.

Суд также указал, что принятое по данному делу судебное решение образует законное и достаточное основание для того, чтобы частные лица, пострадавшие от неисполнения обязательств государством-членом, могли, если сочтут это целесообразным, обратиться в компетентный национальный суд и потребовать соответствующую компенсацию за ущерб в соответствии с положениями статьи 30 Договора об учреждении Суда Андского сообщества.

Карибский суд

7. Ellis Richards, Medical Benefits Board Spencer Thomas и др. против Тринидада и Тобаго²¹: возможность вступления в дело новых истцов²²

В решении о юрисдикции от 3 июля 2023 года Карибский Суд высказался по вопросу возможности вступления в дело новых истцов.

После банкротства конгломерата CL Financial (CLF) в Тринидаде и Тобаго, правительство приняло решение о выкупе компании и её дочерних компаний в пределах государства. Истцы (граждане и организации Антигуа и Барбуды и Гренады) являлись страхователями дочерней компании CLF, British American Insurance Company Limited (BAICO), зарегистрированной на Багамских островах.

Тринидадом и Тобаго было обещано выделить государствам-членам КАРИКОМ 100 миллионов долларов США для помощи в разрешении последствий банкротства CLF. Однако государство выплатило только 36 миллионов страхователям BAICO. Истцы посчитали, что им не была предоставлена та же защита, что компаниям конгломерата CLF, что представляет собой дискриминацию по признаку

²¹ Case No. [2023] CCJ 2 OJ

²² Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.А. Дрыгиной.

гражданства в нарушение статьи 7 Пересмотренного Чагуарамасского договора о создании Карибского сообщества, включая единый рынок и единое экономическое пространство КАРИКОМ от 5 июля 2001 года.

На первой конференции по управлению делами, состоявшейся в 2022 года, истцы подняли вопрос о подходе, которого должен придерживаться Суд в отношении вступления в дело новых потенциальных истцов в странах КАРИКОМ с аналогичными или схожими требованиями. Суд постановил, что Истцы должны заполнить и подать Реестр, содержащий сведения об Истцах, указанных в первоначальном заявлении, и о потенциальных истцах, которые должны быть перечислены отдельно.

Истцы запросили одобрение механизма добавления новых потенциальных истцов, аргументировав это тем, что их иски по существу идентичны тем, что уже подали первоначальные Истцы. Цель добавления потенциальных истцов к первоначальному иску заключалась в предоставлении им доступа к правосудию. Также, участие в деле всех лиц, чьи интересы были затронуты, позволило бы распределить между всеми и тем самым уменьшить издержки сложного, дорогостоящего и длительного судебного разбирательства.

Суд отказал в принятии новых заявлений, отметив, что каждое лицо, которое стремится к участию в судебном разбирательстве, должно подпадать под требования о субъектной компетенции Суда. Суд посчитал неубедительным аргумент Истцов о том, что подача потенциальными истцами отдельных исков приведет к множеству идентичных разбирательств, поскольку если Истцы, получившие специальное разрешение, добьются успеха в этих разбирательствах, то ничто не мешает потенциальным истцам впоследствии подать не множество исков, а один коллективный.

Также Суд указал, что решения Суда представляют собой юридически обязательные прецеденты для сторон и государств-членов КАРИКОМ, соответственно, если в ходе текущего разбирательства будет установлена ответственность Ответчика, то это будет представлять собой обязательный прецедент в отношении любого последующего иска.

Таким образом, отказывая в принятии заявления, Карибский Суд резюмировал, что Истцы не учитывают возможность всего лишь двух серий разбирательств, последняя из которых, вероятно, будет содержать существенные элементы *res judicata*. Право потенциальных Истцов на судебную защиту в конечном итоге не может быть ущемлено в какой-либо значительной степени отклонением этого заявления.

Европейский суд по правам человека

8. UAB Kesko Senukai Lithuania против Литвы²³: право на уважение частной жизни и корреспонденции в ходе выездной проверки антимонопольным органом²⁴

В постановлении от 4 апреля 2023 года ЕСПЧ рассмотрел вопрос о нарушении права компании-заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции в связи с действиями Совета по конкуренции, антимонопольного органа Литовской Республики.

В апреле 2018 года антимонопольный орган начал расследование в отношении пяти компаний, занимающихся производством и розничной продажей строительных материалов и товаров для дома. Совет по конкуренции заподозрил, что несколько крупных производителей и розничных торговцев, включая компанию-заявителя, договорились установить цены на определенные товары, продаваемые в своих магазинах, тем самым нарушив Закон о конкуренции и соответствующее законодательство ЕС.

В июне этого же года антимонопольный орган провел проверку зарегистрированного офиса компании – заявителя, в ходе которого изучил документы, хранившиеся в офисах сотрудников компании, в том числе компьютеры пяти сотрудников и мобильный телефон одного из них, в ходе чего были скопированы более 250 гигабайт данных. Кроме того, было произведено изъятие документов.

Обжалуя действия должностных лиц во время проверки в антимонопольный орган в соответствии с пунктом 1 статьи 32 Закона о конкуренции на, компания-заявитель утверждала, что при проверке должностные лица не разъяснили сотрудникам характер и цель проверки, не ознакомили их надлежащим образом с их правами и обязанностями, а изъятие и копирование информации производилось должностными лицами антимонопольного органа бессистемно, без оценки относимости определённых документов к предмету расследования.

Отклонив жалобу антимонопольный орган указал, что Закон о конкуренции предоставляет ему право изучать, копировать и изымать любые документы, имеющие отношение к расследованию и могущие иметь доказательную силу. Целью проверки являлось получение информации, которая не является общедоступной и которая зачастую

²³ Постановление ЕСПЧ от 4 апреля 2023 года (жалоба № 19162/19).

²⁴ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н.С. Нурлиевым.

может являться единственным доказательством нарушения законодательства о конкуренции. Антиконтрентные действия или соглашения иногда могут быть выявлены на основе определенных совпадений или признаков, которые в совокупности и при отсутствии какого-либо иного логического объяснения могут служить доказательством нарушения законодательства о конкуренции; право на получение документов включает право на поиск информации, которая еще не известна или не установлена точно. Следовательно, хотя право антимонопольного органа на получение информации в ходе проверки не является неограниченным, его расследования должны быть эффективными, а рамки таких расследований могут быть широкими.

Получив в июле 2018 года отказ Вильнюсского окружного суда в принятии жалобы на решение антимонопольного органа по оспариванию действий его должностных лиц к производству, а также последующий отказ Высшего административного суда в связи с тем, что, по мнению судебных инстанций, решение уполномоченного органа, представляло собой процессуальный документ промежуточного характера, который не повлек за собой никаких существенных правовых последствий для компании-заявителя, компания обратилась в ЕСПЧ.

ЕСПЧ, рассмотрев жалобу заявителя, отметил, что проверка компании-заявителя, а также связанные с ней меры (копирование и изъятие документов) были основаны на Законе о конкуренции, вмешательство преследовало законную цель в интересах «экономического благополучия страны» и «предоставращения преступлений».

Вместе с тем, в контексте обысков и выемок национальное законодательство и практика должны предусматривать адекватные и эффективные гарантии против любых злоупотреблений и произвола. Эти гарантии должны включать наличие «эффективного контроля» за мерами, нарушающими статью 8 ЕКПЧ.

ЕСПЧ указал, что у компании-заявителя был обоснованный интерес в проверке того, соответствовали ли действия должностных лиц антимонопольного органа его правам, предусмотренным статьей 8 Конвенции. Возможность последующего судебного пересмотра могла бы, в обстоятельствах дела, служить средством обеспечения гарантий, предусмотренных национальным законодательством, и, следовательно, их эффективности на практике.

Кроме того, необходимость судебного пересмотра является важной, в связи с тем, что расследование в отношении компании-заявителя было к конечному итоге прекращено, в результате не было проведено никаких

разбирательств в отношении окончательного решения антимонопольного органа, в котором компания-заявитель могла бы подать жалобу относительно предполагаемых нарушений её прав. Таким образом, национальный орган не дал оценку тому, имели ли все изъятые документы отношение к расследованию, и было ли ограничение прав компании-заявителя законным и соразмерным.

В итоге, ЕСПЧ пришёл к выводу, что отсутствие судебного контроля в отношении порядка проведения должностными лицами антимонопольного органа проверки офиса компании-заявителя означало отсутствие адекватных и эффективных гарантий против злоупотреблений и произвола. Соответственно, вмешательство в право компании-заявителя на уважение жилища и корреспонденции не может считаться соразмерным преследуемой цели или необходимым в демократическом обществе, как того требует статья 8 Конвенции.

9. Georgiou против Греции²⁵: нарушение права на справедливое судебное разбирательство в результате отказа в направлении преюдициального запроса²⁶

В постановлении от 14 марта 2023 года ЕСПЧ рассмотрел вопрос о нарушении права на справедливое судебное разбирательство в связи с отказом национальным судом Греции направления преюдициального запроса в Суд ЕС.

Гражданин Греции Андреас Георгиу в период с августа 2010 по август 2015 года являлся президентом греческого статистического управления (ELSTAT).

В 2016 году заявитель был обвинен по нескольким пунктам, связанным с нарушением служебных обязанностей в связи с публикацией национальных статистических данных о фискальном дефиците Греции в 2009 году без согласия Исполнительного совета ELSTAT.

В августе 2017 года Афинский апелляционный суд постановил, что заявитель совершил преступление, связанное с нарушением служебных обязанностей, и приговорил его к двум годам лишения свободы условно.

Заявитель подал кассационную жалобу, в дополнительных основаниях к которой он просил Кассационный суд обратиться в Суд ЕС

²⁵ Постановление Палаты Европейского Суда по правам человека от 14 марта 2023 года (жалоба № 57378/18)

²⁶ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н.С. Нурлиевым.

с вопросом о правильной интерпретации Принципа 1.4 Кодекса норм европейской статистики²⁷, который гласит, что главы статистических органов несут «исключительную ответственность» за решение о публикации статистики. Заявитель утверждал, что его действия соответствовали этому европейскому принципу профессиональной независимости.

Кассационный суд отклонил жалобу заявителя, при этом, не указав в итоговом решении о ходатайстве заявителя об обращении в Суд ЕС и причин для его отклонения.

ЕСПЧ сосредоточил своё внимание на вопросе, соответствует ли отказ национального суда последней инстанции рассмотреть или мотивировать отказ в преюдициальном запросе предварительного решения принципу справедливого судебного разбирательства по статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

ЕСПЧ сослался на свою устоявшуюся практику (дело Вергаувен и другие против Бельгии, жалоба № 4832/04; дело Улленис Де Скутен и Резабек против Бельгии, жалобы № 3989/07 и 38353/07), согласно которой в случае если вопрос о праве ЕС возникает в суде последней инстанции, и сторона процесса просит обратиться в Суд ЕС, суд обязан мотивировать свое решение об отказе в таком обращении и указать причины, по которым они считают вопрос нерелевантным, или что рассматриваемое положение права ЕС уже было истолковано Судом ЕС, или что правильность применения права ЕС настолько очевидна, что не оставляет места для разумных сомнений.

В данном случае Кассационный суд в своём постановлении не упомянул о ходатайстве заявителя об обращении в Суд ЕС, поэтому из его содержания невозможно было установить, был ли вопрос сочтен несущественным, рассматривался ли он как относящийся к положению, которое было ясно или уже истолковано Судом ЕС, или же он был просто проигнорирован.

ЕСПЧ подчеркнул, что вопрос точной интерпретации Принципа 1.4 Кодекса норм европейской статистики был центральным для определения вины заявителя, поскольку его защита строилась на соблюдении европейских стандартов профессиональной независимости. Неспособность Кассационного суда рассмотреть этот вопрос или

²⁷ European Statistics Code of Practice. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/quality/european-quality-standards/european-statistics-code-of-practice>

обратиться за разъяснениями в Суд ЕС лишила заявителя права на надлежащее рассмотрение его дела.

Соответственно, имело место нарушение статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а именно права на справедливое судебное разбирательство.

Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации

10. Споры ЕС, Японии и Тайваня против Индии о таможенном тарифе в отношении продуктов информационных технологий (DS582, DS584, DS588²⁸): недопустимость ссылки на техническую ошибку при несоблюдении процедуры исправления²⁹

В докладах третейских групп по параллельным спорам ЕС, Японии и Тайваня (Китай) против Индии рассматривались вопросы оспаривания таможенного тарифа (пошлин), установленного Индией в нарушение обязательств, принятых в рамках ВТО, в отношении некоторых продуктов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Истцы оспаривали введение Индией импортных пошлин в размере от 10% до 20% на отдельные продукты информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), включая мобильные телефоны, телефонные трубки, базовые станции, статические преобразователи и телекоммуникационные провода. Истцы утверждали, что эти пошлины превышают связанные ставки в 0%, которые Индия обязалась соблюдать в соответствии со своим Перечнем уступок, прилагаемым к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ 1994).

Индия защищала свои действия, утверждая, что рассматриваемые товары не подпадают под действие Соглашения об информационных технологиях (ИТА-1), подписанного Индией. Индия утверждала, что любое включение этих товаров в её Перечень уступок по нулевым ставкам пошлин было вызвано непреднамеренными ошибками, допущенными при транспонировании её перечня для приведения его в соответствие с обновлениями в номенклатуре Гармонизированной системы. Индия утверждала, что её обязательные тарифные

²⁸ DS582: India — Tariff Treatment on Certain Goods in the Information and Communications Technology Sector (EU)

DS584: India — Tariff Treatment on Certain Goods (Japan)

DS588: India — Tariff Treatment on Certain Goods in the Information and Communications Technology Sector (Chinese Taipei)

²⁹ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Д.В. Семашко.

обязательства изложены в Соглашении по информационным технологиям и не изменились из-за их включения в Список Индии ВТО, а допущенные ошибки носят формальный характер и могут быть исправлены. В связи с этим Индия стремилась исправить эти ошибки в 2018 году в соответствии с Решением 1980 года об исправлении перечней.

Третейская группа пришла к выводу, что введение Индией пошлин нарушает её обязательства. Ставки не соответствовали статьям II:1(a) и II:1(b) ГАТТ 1994 года, которые касаются общих обязательств членов ВТО в отношении связывания тарифов и применения пошлин. 5-я группа рекомендовала Индии привести свои меры в соответствие с её обязательствами в рамках ВТО.

Констатируя нарушение Индией статей II:1(a) и II:1(b) ГАТТ 1994 года, группа отметила, что статья II:1(a) обязывает членов ВТО предоставлять импортным товарам режим, не менее благоприятный, чем тот, который указан в их Перечне уступок. Статья II:1(b) запрещает членам взимать ставки, превышающие связанные ставки в их перечнях.

Третейская группа указала, что Индия обязалась ввести нулевые тарифы на соответствующие товары, такие как мобильные телефоны, базовые станции и статические преобразователи, но вместо этого взимала пошлины в размере от 10% до 20%, тем самым нарушив оба положения.

Третейская группа отклонила утверждение Индии о том, что её обязательства были результатом технических ошибок при переносе её тарифных обязательств в новые издания Гармонизированной системы. Индия утверждала, что эти ошибки привели к непреднамеренному связыванию тарифов, и пыталась сослаться на Решение 1980 года об исправлении перечней для их исправления *post factum*, однако группа подчеркнула, что тарифные сетки ВТО являются юридически обязывающими документами, и любые изменения вносятся в официально установленном порядке, включая уведомление и одобрение других членов ВТО. Ввиду нарушения Индией официальной процедуры Группа отклонила указанный довод.

По вопросу классификации товара третейская группа согласилась с истцами, отметив, что рассматриваемые товары ИКТ подпадают под связанные тарифные линии, которые Индия обязалась облагать по нулевой ставке несмотря на то, что эти товары существенно изменились ввиду технологического прогресса последних лет. Например, смартфоны являются технологическим усовершенствованием более ранних мобильных телефонов. Группа руководствовалась принципом последовательности (преемственности) в тарифной классификации,

согласно которому технологическое усовершенствование товаров не обязательно исключает товары из уже согласованных классификаций.

Группа отклонила ссылку на Соглашение по информационным технологиям, отметив, что оно не является охваченным соглашением по смыслу Соглашения ВТО и, соответственно, источником юридических обязательств Индии в этих спорах. Группа также пришла к выводу, что тарифные обязательства Индии перед ВТО не являются статичными по своей природе, а Индия не выполнила требования статьи 48 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой государство имеет право ссылаться на ошибку в договоре как на основание недействительности согласия, если ошибка касается факта или ситуации, существовавшей при заключении договора, и была существенной для согласия этого государства. Группа установила, что Индия не смогла продемонстрировать, что наличие формальной ошибки представляет собой существенное основание для согласия Индии на обязательность сертифицированного Приложения. Группа также установила, что Индия была уведомлена о возможности того, что её тарифные обязательства перед ВТО могли быть расширены.

В результате третейская группа постановила, что тарифный режим Индии для товаров, подпадающих под тарифные позиции ИКТ, не соответствует требованиям ВТО, поскольку определён такие товары облагаются обычными таможенными пошлинами, превышающими указанные в Перечне ВТО Индии, если только они не удовлетворяют определённым условиям, которые не изложены в этом Списке ВТО, следовательно введение Индией пошлин на спорные товары ИКТ является нарушением её обязательств по ГАТТ 1994. Третейская группа рекомендовала Индии привести свои меры в соответствие с нормами ВТО.

Доклады третейской группы по всем делам были обжалованы Индией в Апелляционный орган ВТО.

Административный трибунал Международной организации труда

11. R. v. Eurocontrol³⁰: условия для признания нарушения «приобретенного права» международного служащего³¹

В решении No. 4593 по делу *R. v. Eurocontrol* Административный трибунал МОТ рассмотрен вопрос о нарушении «приобретённого права» международного служащего.

Заявитель, гражданин Франции, с августа 1991 года работал в Экспериментальном центре Бретины-сюр-Орж Европейской организации по безопасности воздушной навигации (Евроконтроль), также расположенном во Франции. В октябре 1991 года в качестве места происхождения заявителя был определён г. Антананариву (Мадагаскар), где проживала его семья, в связи с чем ему было предоставлено право на дополнительный шестидневный ежегодный отпуск, известный как «время на дорогу», чтобы вернуться к себе домой.

В 2016 году в рамках административной реформы были внесены изменения в порядок предоставления «времени на дорогу», предусмотренный Положением о персонале. С этого момента право на соответствующие дополнительные дни отпуска имели только те служащие организации, которые имели надбавки за работу за рубежом или длительное проживание за рубежом. Кроме того, с этого момента количество указанных дополнительных дней отпуска было установлено в размере двух с половиной дней, независимо от расстояния между родной страной и местом работы. В качестве переходной меры для тех лиц, которые были приняты на работу до 1 июля 2016 года и которые до сих пор имели право на «время на дорогу», но не имели права на надбавки за работу за рубежом или длительное проживание за рубежом, количество дней соответствующего вида отпуска с 1 января 2018 года подлежало сокращению на один день в год до вступления в силу новых положений в июле 2020 года.

Не согласившись с лишением его права на дополнительные дни ежегодного отпуска за время на дорогу, в сентябре 2016 года заявитель подал внутреннюю жалобу. Генеральный директор, принимая во внимание рекомендации Объединённого комитета по спорам, отклонил жалобу как неприемлемую на том основании, что новые положения, касающиеся «времени на дорогу», не могут быть оспорены заявителем, поскольку они ещё не вступили в силу. В феврале 2018 года заявитель

³⁰ R. v. Eurocontrol. (135th Session, Judgment No. 4593). Delivered on 1 February 2023. URL: https://www.ex-ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=4593&p_language_code=EN

³¹ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.Н. Поповой.

подал новую жалобу. Объединённый комитет по спорам отклонил жалобу как необоснованную.

Заявитель оспорил такое решение в Административный трибунал МОТ.

Трибунал, со ссылкой на собственную практику, касающуюся приобретённых прав, указал, что изменение правила, регулирующего ситуацию международного служащего в ущерб ей или ему, представляет собой нарушение приобретённого права только в том случае, если нарушено содержание трудового договора либо имеет место ухудшение фундаментального и существенного условия, в соответствии с которым лицо приняло условия назначения, или которое впоследствии побудило её или его остаться работать в организации. Поэтому для того, чтобы имело место нарушение приобретённого права, внесённая поправка должна относиться к фундаментальному и существенному условию работы.

В данном случае Трибунал пришёл к выводу, что заявитель не смог доказать, что содержание его трудового договора было нарушено принятой поправкой или что поправка касается фундаментального и существенного условия найма, без которого он не мог бы согласился на работу в Евроконтроле или остаться работать там. Трибунал пришёл к выводу, что преимущества в виде предоставления дополнительного отпуска, лишение которого не влияет ни на общее вознаграждение заявителя, ни на дни ежегодного отпуска, предусмотренные Положением о персонале, не могут считаться существенными или необходимыми условиями назначения.

Трибунал также отметил, что в соответствии с положениями, действовавшими на дату найма заявителя, местом происхождения должно было считаться место его постоянного проживания на дату найма, другими словами, его место работы (во Франции), а определение в качестве места происхождения места его интересов в силу его семейных связей и наследственных интересов (Мадагаскара) имело место на основании решения Генерального директора, принятого после назначения заявителя. В настоящее время Организацией используется критерий, основанный на получении надбавок за работу за рубежом или длительное проживание за рубежом, который имеет отношение к цели предоставления «времени на дорогу», т.е. касается различий между страной, где ранее проживало лицо, и местом работы.

На основании вышеизложенного, Трибунал отказал в удовлетворении требований заявителя, придя к выводу, что заявителем не было доказано нарушение его приобретённого права, поскольку

внесённая поправка не относится к фундаментальному и существенному условию службы, без которого он не мог бы согласиться на работу в Организации или продолжить там работу.

Судебная практика государств – членов ЕАЭС

Республика Казахстан

12. Дополнительное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 22 мая 2023 года № 17-НП: о порядке принятия решений ЕЭК о применении или неприменении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, и их обязательности для Республики Казахстан³²

Конституционным Судом Республики Казахстан по ходатайству заместителя Премьер-Министра – Министра торговли и интеграции Республики Казахстан дано толкование пунктов 2 и 4 постановляющей части нормативного постановления Конституционного Совета от 5 ноября 2009 года № 6 (далее – Нормативное постановление 2009 года) в контексте положений проекта Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС в части, касающейся особого механизма при проведении расследований и принятии решений о применении или неприменении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер (далее – проект Протокола).

В принятом ранее Нормативном постановлении от 2009 года при рассмотрении вопроса о способе реализации на территориях государств-участников Договора о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 года решений данной Комиссии, имевших обязательный характер для Сторон, Конституционный Совет Республики Казахстан констатировал, что решения международных организаций и их органов, нарушающие положения пункта 2 статьи 2 и пункта 2 статьи 91 Конституции Республики Казахстан, в частности посягают на суверенитет, установленные Конституцией целостность государства, форму правления, не порождают юридических обязательств для Казахстана .

Также в Нормативном постановлении 2009 года особо отмечено, что не могут обладать свойствами приоритета перед казахстанскими законами и непосредственности применения решения Комиссии, ущемляющие конституционные права и свободы человека и гражданина,

³² Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н.С. Нурлиевым.

а процедура принятия обязательного для Казахстана решения международной организации или её органа должна предусматривать правовые гарантии, исключающие возможность искажения заложенной в международном договоре воли народа Казахстана, выраженной в решениях, принятых республиканским референдумом, а также в актах Президента и Парламента Республики Казахстан при заключении и ратификации договора. Такие гарантии должны обеспечивать соблюдение суверенной воли государств-участников.

Проектом Протокола предусматривалось внесение изменений и дополнений в Договор о ЕАЭС, в части особенностей применения пункта 30 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) к решениям о применении или неприменении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер.

Также содержались поправки в Протокол о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (Приложение № 8 к Договору о ЕАЭС). Они предполагали приостановление вступления в силу спорного решения Коллегии Евразийской экономической комиссии по обращению ветирующей стороны на срок, не превышающий двенадцать месяцев, для выработки взаимоприемлемого решения Межправительственным советом. В случае отсутствия консенсусного решения, по истечении указанного срока предполагалось, что приостановленное решение Коллегии ЕЭК вступает в силу. При этом в проекте Протокола возможность дальнейшего рассмотрения разногласий Высшим советом не была предусмотрена.

При истолковании отмеченного Нормативного постановления 2009 года применительно к предмету ходатайства Конституционный Суд Республики Казахстан дополнительно разъяснил, что согласно Договору о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 года решения Комиссии, имевшие обязательный характер для Сторон, не могут быть признаны в качестве обязательных для Казахстана, если они нарушают положения пункта 2 статьи 2 и пункта 2 статьи 91 Конституции Республики Казахстан о том, что суверенитет Республики распространяется на всю ее территорию, и о недопустимости изменения установленных Конституцией унитарности и территориальной целостности государства, формы правления Республики.

Также указано, что процедура принятия обязательного для Республики Казахстан решения международной организации или её органа должна предусматривать правовые гарантии, исключающие возможность искажения заложенной в международном договоре воли

народа Казахстана, выраженной в решениях, принятых республиканским референдумом, а также в актах Президента и Парламента Республики при заключении и ратификации договора.

Конституционный Суд Республики Казахстан относительно проекта Протокола отметил, что определение заключительного этапа применения права «вето» на уровне Межправительственного совета, ограничение времени его использования и приостановления оспоренного решения, безусловное и обязательное вступление в силу решений Коллегии ЕЭК в случае отсутствия единогласного решения Межправительственного совета по внесённым возражениям в течение указанного срока, отсутствие процедуры вынесения данного вопроса на рассмотрение Высшего совета, решения которого принимаются консенсусом, создают предпосылки для искажения воли народа Казахстана, ущемления конституционных прав и свобод человека и гражданина, суверенитета и независимости государства, посягательства на другие неизменные конституционные ценности.

Более того, было указано, что исключение проектом Протокола компетенции Высшего совета по определению окончательной позиции по возникшим разногласиям касательно решений Коллегии ЕЭК о применении или неприменении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер будет препятствовать надлежащей реализации мандата Президента Республики на представление интересов народа Казахстана в международных отношениях.

Конституционный Суд Республики Казахстан подчеркнул, что решения международных организаций и их органов, участником которых является Республика Казахстан, принятые и вступившие в силу без учёта национальных интересов и соблюдения указанных условий, в том числе решения Коллегии ЕЭК, вводимые в действие в порядке, устанавливаемом проектом Протокола, не могут иметь обязательный характер для Республики Казахстан, обладать свойствами ратифицированного международного договора и, соответственно, иметь приоритет перед законами Казахстана. Не допускается заключение международных договоров, не соответствующих национальным интересам Республики Казахстан, способных нанести ущерб национальной безопасности или ведущих к утрате независимости, сужающих сферу суверенных прав Республики Казахстан.

Таким образом, Конституционный Суд Республики Казахстан в своём дополнительном постановлении от 22 мая 2023 года № 17-НП пришёл к выводу, что решения международных организаций и их

органов, участником которых является Республика Казахстан (в том числе Коллегии ЕЭК), могут приобретать юридические свойства ратифицированного Республикой Казахстан международного договора в случае непосредственного указания на обязательный характер для Казахстана данных решений в международном договоре, ратифицированном Республикой Казахстан, и при условии, что порядок их принятия и вступления в силу обеспечивает на основе консенсуса полный учёт интересов Казахстана с возможностью рассмотрения спорного вопроса высшим органом соответствующей международной организации, а также указал на то, что не могут быть признаны в качестве обязательных для Казахстана решения международных организаций и их органов, нарушающие положения пункта 2 статьи 2, пункта 3 статьи 4 и пункта 2 статьи 91 Конституции Республики Казахстан.

13. Постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 22 февраля 2023 года № 3: вопрос соответствия закона требованиям формальной определенности³³

22 февраля 2023 года Конституционный Суд Республики Казахстан вынес постановление, в котором рассмотрел вопрос соответствия подпункта 1 пункта 1 и пункта 2 статьи 610 Налогового кодекса положениям Конституции (пункт 2 статьи 13 и статье 14 Конституции, согласно которым Конституцией закреплено право на судебную защиту прав и свобод (Пункт 2 статьи 13), а также – равенство перед законом и судом, а также запрет на дискриминацию по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам (статья 14).

Оспариваемые положения Налогового кодекса устанавливают ставки государственной пошлины при обращении в суд по искам, подлежащим имущественной оценке:

- для физических лиц в размере 1% от суммы иска (пп. 1 п. 1 ст. 610);
- для юридических лиц – 3% (пп. 1 п. 1 ст. 610),
- при подаче ходатайств о пересмотре судебных актов в кассационном порядке – 50% от соответствующей ставки государственной пошлины, установленной при подаче иска (п. 2 ст. 610).

³³ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела М.М. Кобеновым.

Заявитель указал, что установление процентных ставок государственной пошлины за подачу в суд исковых заявлений имущественного характера и ходатайств о пересмотре судебных актов в кассационном порядке, в совокупности с отсутствием норм, определяющих разумный верхний предел государственной пошлины либо предусматривающих освобождение от её уплаты, отсрочку, рассрочку её оплаты, фактически ограничивают доступ к правосудию.

Рассмотрев дело, Конституционный Суд Республики Казахстан отметил, что установление процентных ставок государственной пошлины в судах по заявлениям имущественного характера без законодательного ограничения её размера лишает гражданина, находящегося в затруднительном материальном положении, возможности уплатить её и ставит его в неравное положение по сравнению с другими лицами, имеющими такую возможность. Соответственно, такой подход создаёт условия для ограничения доступа к правосудию.

По мнению Конституционного Суда Республики Казахстан размеры государственной пошлины должны быть разумными, обоснованными, соразмерными, не преграждающими обращение гражданина в суд, либо должен быть предусмотрен правовой механизм преодоления барьера в реализации конституционного права на доступ к правосудию.

Относительно пункта 2 статьи 610 Налогового кодекса, устанавливающего размер государственной пошлины при подаче кассационной жалобы, Конституционный Суд Республики Казахстан отметил, что рассматриваемая норма не содержит положений, позволяющих однозначно определить субъекта оплаты данного платежа, что напрямую влияет на размер пошлины. Использованное в норме словосочетание «при подаче административного иска, искового заявления (заявления) по таким спорам» на практике привело к отказу в принятии ходатайства гражданина Верховным Судом, который отказывая сослался на необходимость уплаты государственной пошлины в размере 50% от ставки государственной пошлины, установленной для юридических лиц.

В связи с этим, Конституционный Суд Республики Казахстан указал, что закон должен соответствовать требованиям юридической точности и предсказуемости последствий, то есть его нормы должны быть сформулированы с достаточной степенью чёткости и основаны на понятных критериях, исключающих возможность произвольной интерпретации положений закона. Из принципа верховенства права

вытекает требование формальной определённости, ясности и непротиворечивости правового регулирования, взаимной согласованности предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности (нормативные постановления от 27 февраля 2008 года № 2, от 11 февраля 2009 года № 1, от 7 декабря 2011 года № 5).

Также высший орган конституционного контроля обратил внимание на концептуальный подход законодателя к определению размеров государственной пошлины в зависимости от субъекта её уплаты – физическими или юридическими лицами.

В связи с этим, Конституционный Суд Республики Казахстан посчитал, что при обращении гражданина с ходатайством о пересмотре судебных актов в кассационном порядке государственная пошлина должна взиматься в размере 50% от соответствующей ставки государственной пошлины, установленной для физических лиц, а пункт 2 статьи 610 Налогового кодекса в части слов «при подаче административного иска, искового заявления (заявления) по таким спорам» не соответствует пункту 2 статьи 13 и статье 14 Конституции.

14. Определение Специализированного межрайонного экономического суда города Алматы от 15 мая 2023 года (№ 7527-20-00-2/4404, 7527-23-00-2/6568): пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с решением Суда Союза³⁴

Специализированный межрайонный экономический суд города Алматы (далее – СМЭС г.Алматы) по заявлению товарищества с ограниченной ответственностью «ратиофарм Казахстан» рассмотрел дело об оспаривании предварительных решений о классификации товара, в котором указал на обязательность решений Суда Союза при применении права ЕАЭС.

В апреле 2019 года по заявлению данного лица Департаментом государственных доходов по городу Алматы Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан (далее – Департамент государственных доходов) приняты предварительные решения о классификации товаров в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС.

Согласно этим решениям, препарат Хилак®Форте был отнесён к группе 30 «Фармацевтическая продукция», в товарную позицию 3004, товарную субпозицию 3004 90 000 2.

³⁴ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Н.С. Нурлиевым

8 октября 2019 года Коллегия Евразийской экономической комиссии приняла решение № 173 «О классификации препарата на основе беззародышевых водных субстратов продуктов обмена веществ микроорганизмов в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – решение № 173).

В соответствии с этим решением препарат в жидкой форме в виде раствора для приёма внутрь, содержащий в качестве действующих веществ беззародышевые водные субстраты продуктов обмена веществ микроорганизмов, а также вспомогательные вещества, предназначенный для восстановления и регулирования равновесия нормальной микрофлоры кишечника, усиления защитных свойств организма, в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицирован в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС.

В феврале 2020 года Департамент отозвал ранее принятые предварительные решения о классификации товара Хилак®Форте, а в марте 2020 года принял новые предварительные решения, согласно которым препарат Хилак®Форте отнесён в товарную позицию 2106 «Пищевые продукты, в другом месте не поименованные или не включённые».

ТОО «ратиофарм Казахстан» оспорил данные предварительные решения в СМЭС г.Алматы, впоследствии оставленном без изменения постановлением судебной коллегии по гражданским делам Алматинского городского суда от 02 декабря 2020 года.

В 2023 году Товарищество в соответствии с подпунктом 3 части второй статьи 455 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан обратилось в СМЭС г.Алматы с заявлением о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам, мотивируя тем, что принятое решение № 173 актом апелляционной палаты Суда Союза от 19 января 2023 года было отменено.

В соответствии с частью первой статьи 455 ГПК, пунктом 1 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 8 декабря 2017 года № 12 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан при пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам» (далее – Нормативное постановление), решения, определения и постановления, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Основаниями для пересмотра решений, определений и постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам являются юридические факты, имеющие существенное значение для правильного разрешения ранее рассмотренного дела, которые возникли или имели место, однако о них стало известно после вступления судебного акта в законную силу.

При этом пунктом 7 Нормативного постановления разъяснено, что под вновь открывшимися обстоятельствами, применительно к подпункту 3 части второй статьи 455 ГПК, понимается отмена в установленном законом порядке судебных актов либо актов иного государственного органа, если они явились основанием к вынесению судебного акта по гражданскому делу.

Несмотря на то, что статья 455 ГПК не содержит прямого положения о том, что решения Суда Союза могут являться основанием для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, СМЭС г.Алматы, принимая во внимание наличие решения Суда Союза, посчитал, что в данном случае имеется вновь открывшееся обстоятельство – отмена акта иного государственного органа, – которое явилось основанием к вынесению судебного акта по гражданскому делу, и определением СМЭС г.Алматы от 15 мая 2023 года заявление Товарищества о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам удовлетворено, а решение суда первой инстанции отменено.

По результатам пересмотра дела, СМЭС г.Алматы вынес новое решение, в котором указал, что при применении права Союза следует придерживаться его единообразного применения, а данное Судом Союза толкование применения ТН ВЭД ЕАЭС в отношении препаратов, схожих по описанию с Хилак®Форте, является обязательным при применении права Союза, включая решение № 173. В судебном акте также отмечено, что решение № 173, признанное противоречащим Договору о ЕАЭС и иным международным договорам в рамках Союза, а также принципу правовой определённости, не подлежит применению, а принятые на его основе предварительные решения о классификации товаров лишаются тем самым своего правового основания, что означает, что они не могут являться законными.

Учитывая тот факт, что срок обжалуемых предварительных решений, изначально оспариваемых истцом, истёк, СМЭС г.Алматы констатировал, что вынесение Департаментом государственных доходов новых предварительных решений о классификации препарата Хилак®Форте в товарной позиции 3004 подтверждает согласие государственного органа с новой классификацией, свидетельствует о

незаконности ранее принятых и обжалованных истцом предварительных решений. В то же время суд посчитал, что признание их незаконными не влечёт для истца никаких правовых последствий, в связи с чем решением СМЭС г.Алматы от 11 августа 2023 года по результатам пересмотра дела, истцу было отказано в удовлетворении требований.

Кыргызская Республика

15. Постановление Верховного суда Кыргызской Республики по делу № АД-209/22 абсЗ от 6 марта 2023 года: прекращение обязанности по уплате сумм таможенных и иных платежей в связи с включением в реестр инвестиционных проектов, соответствующих приоритетным видам деятельности³⁵

В постановлении от 6 марта 2023 года Верховный суд Кыргызской Республики рассмотрел вопрос об освобождении хозяйствующего субъекта от уплаты таможенной пошлины в связи с включением в реестр инвестиционных проектов, находящихся в числе приоритетных видов деятельности (секторов экономики).

Согласно материалам дела Общество с ограниченной ответственностью «Х» в период с 2019 года по 2020 годы в рамках реализации инвестиционного проекта осуществляло деятельность по производству мыломоющих средств, в том числе ввоз товаров на территорию Кыргызской Республики, в отношении которых совершены таможенные операции выпуска для внутреннего потребления с предоставлением освобождения от уплаты ввозной таможенной пошлины. По причине образовавшейся задолженности по уплате таможенных платежей и пени, Северо-Восточной таможней в адрес «лица направлено Уведомление о неуплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин от 30 ноября 2020 года № 71 на общую сумму более 655 тыс. кыргызских сомов.

«Х» обратился с жалобой в Государственную таможенную службу при Правительстве Кыргызской Республики о признании данного уведомления недействительным, а после получения отказа – в суд. По мнению «Х» постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 7 октября 2021 года № 201 «О внесении изменений в постановление Правительства Кыргызской Республики «Об

³⁵ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.Б. Келдибековой

установлении приоритетных видов деятельности (секторов экономики) инвестиционных проектов» от 26 октября 2018 года № 503 освобождает истца от уплаты таможенных пошлин с момента вступления в силу данного акта, которое предшествует Уведомлению Северо-Восточной таможни от 30 ноября 2020 года № 71.

Суды первой и апелляционной инстанций поддержали позицию таможенных органов. Как отметил суд первой инстанции, в соответствии с подпунктом 7.1.11. пункта 7.1. решения Комиссии Таможенного союза № 130 от 27 ноября 2009 года предусмотрено освобождение от ввозной таможенной пошлины в отношении совсем иной (другой) категории товаров, а именно если такое сырье и/или материалы не производятся (либо производятся в недостаточном для реализации инвестиционного проекта количестве) в государствах-членах или, если производимые в государствах-членах сырье и/или материалы не соответствуют техническим характеристикам реализуемого инвестиционного проекта. Вместе с тем, уведомление о неуплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин было вынесено 30 ноября 2020 года, то есть до вступления в силу вышесказанного постановления, то доводы таможенного органа о том, что Х» обязано исполнять требования, указанные в Уведомлении являются обоснованными.

Суд апелляционной инстанции также указал, что освобождение от уплаты ввозной таможенной пошлины, в соответствии с подпунктом 7.1.11 пункта 7.1 решения Комиссии Таможенного союза № 130 от 27 ноября 2009 года может применяться только в отношении технологического оборудования, комплектующих и запасных частей к нему, сырья и материалов, ввозимых для исключительного использования на территории государства – члена ЕАЭС в рамках реализации инвестиционного проекта и помещаемых под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления.

Соглашаясь с позицией нижестоящих судов, Верховный суд Кыргызской Республики отказал в удовлетворении кассационной жалобы и оставил в силе акты судов первой и апелляционной инстанций, подтвердив правильность их выводов.

Стоит отметить, что законодателем были внесены изменения в части уточнения, что тарифная льгота, установленная подпунктом 7.1.11 пункта 7 Решения Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 130, применяется в отношении юридических и физических лиц, субъектов свободных экономических зон, включенных в реестр инвестиционных проектов, соответствующих приоритетным видам

деятельности (секторам экономики), при соблюдении условий, установленных пунктом 1-1 постановления Кабинета Министров Кыргызской Республики от 26 октября 2018 года № 503, с 26 октября 2018 года.

Схожий подход наблюдается в постановлениях Верховного суда Кыргызской Республики по делу № АД-374/22абс5 от 4 октября 2023 года, № АД-77/22абс5 от 13 ноября 2023 года.

Российская Федерация

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2023 года № 12-П: вопрос о толковании понятия «контроль» для целей применения исключения из запрета картельного соглашения³⁶

30 марта 2023 года Конституционный Суд Российской Федерации вынес постановление № 12-П, в котором рассмотрел вопрос о признаках контроля в отношении хозяйствующих субъектов – участников картеля на торгах как основания для применения исключения из запрета на картельные соглашения.

Согласно материалам дела заявители (закрытое акционерное общество «Проектно-промышленное строительное объединение» АО «АВИАКОР» (впоследствии – АО «Специализированный Застройщик «Кошелев-проект Самара») и акционерное общество «Кошелев-проект») были признаны антимонопольным органом виновными в совершении правонарушения, выраженного в заключении картельных соглашений, которые могут привести к ограничению конкуренции путём поддержания цен на торгах. Хозяйствующие субъекты не согласились с решением антимонопольного органа, утверждая, что у участников картеля был бенефициарный владелец, которые давал им обязательные для исполнения указания и определял основные направления экономической деятельности, что означает, что они находились под фактическим контролем одного лица, и позволяет применить к ним исключение из запрета на картели, установленное ч. 7 ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции».

Вместе с тем рассматривавшие данные дело арбитражные суды отклонили указанный довод, отметив, что предусмотренный частью 8 статьи 11 Закона о защите конкуренции перечень подпадающих под

³⁶ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.Н. Поповой.

понятие контроля действий, при наличии которых хозяйствующим субъектам предоставляется иммунитет в отношении антиконкурентных соглашений, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Согласно данной норме под контролем для целей применения запрета картелей понимается исключительно два случая: распоряжение более чем 50% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный (складочный) капитал юридического лица, и выполнение функций исполнительного органа юридического лица.

По мнению заявителей, часть 8 статьи 11 Закона о защите конкуренции не соответствует Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она допускает определение контроля по отношению к хозяйствующим субъектам на основании формальных признаков без исследования и учёта фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии у лица возможности прямо или косвенно определять решения, принимаемые такими субъектами.

Конституционный Суд указал, что предоставление иммунитета применительно к картелям законодатель связывает с установлением двух квалифицирующих признаков, таких как вхождение хозяйствующих субъектов, принимающих участие в торгах, в одну группу лиц и нахождение таких субъектов под контролем одного лица в силу одного из двух или обоих указанных в законе обстоятельств.

При этом, как отметил Конституционный Суд, в части установления двух признаков контроля предписания статьи 11 Закона о защите конкуренции не вступают в коллизию с положениями Договора о Союзе и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору; подпункты 11 и 16 пункта 2), поскольку в соответствии с подпунктом 1 пункта 3 статьи 74 Договора государства-члены вправе устанавливать в своём законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных его статьями 75 и 76, т.е. в том числе в отношении запретов картелей на торгах.

Определение контроля как основанное на предположении о неспособности хозяйствующего субъекта - юридического лица самостоятельно управлять своей деятельностью при определённых обстоятельствах требует соответствия нормативно установленным критериям и тем самым обеспечивает очевидность наличия контроля, участники группы лиц могут заблаговременно оценить выполнение условий получения предусмотренного законом иммунитета.

Конституционный Суд указал на недопустимость расширительного толкования оспариваемого положения, которое в противном случае позволяло бы имитировать существование контроля созданием совокупности фиктивных признаков и использовать предполагаемый фактический контроль для преодоления запрета картельных соглашений на торгах, что в конечном счёте препятствовало бы достижению целей антимонопольного регулирования.

При этом Конституционный Суд отметил, что на практике возможны и иные обстоятельства, когда лицо фактически имеет право определять условия ведения юридическим лицом экономической (в том числе предпринимательской) деятельности. Однако государство имеет право исходить из требования о том, чтобы контроль был надлежащим образом юридически выраженным, т.е. связывать его с такими закреплёнными в законе правовыми формами (конструкциями) в сфере корпоративных отношений, когда существует высокая и очевидная для третьих лиц (включая лиц, заинтересованных в надлежащем проведении торгов) вероятность того, что между участниками торгов при принятии ими управленческих решений существуют отношения фактического контроля. Отсутствие прозрачности оснований контроля, когда он юридически надлежащим образом не выражен, приводило бы к тому, что контроль мог бы быть обусловлен противоправными мотивами.

Таким образом, Конституционный Суд пришёл к выводу, что часть 8 статьи 11 Закона о защите конкуренции соответствует Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу данной нормы условием, при котором запрет картеля не распространяется на соглашения хозяйствующих субъектов - участников торгов, признаются исключительно установленные ею признаки контроля одного хозяйствующего субъекта в отношении другого или одного лица в отношении хозяйствующих субъектов.

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 2023 года № 2705-О: соблюдение принципа правовой определенности при введении в закон юридических конструкций бланкетного характера³⁷

12 октября 2023 года Конституционный Суд Российской Федерации вынес определение по делу о проверке конституционности статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, где рассмотрел

³⁷ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.А. Дрыгиной.

вопрос о соблюдении принципа правовой определенности при введении в закон юридических конструкций бланкетного характера.

Гражданин И.В. Леонтьев обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с целью оспаривания конституционности статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Ранее он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая устанавливала уголовную ответственность за незаконное перемещение (контрабанду) через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС культурных ценностей в крупном размере³⁸.

Из обстоятельств уголовного дела следовало, что И.В. Леонтьев совершил покупку монет и банкнот на выставке в США и пытался ввезти их на территорию Российской Федерации без подачи таможенной декларации. По результатам судебной культурологической экспертизы 5 монет (общей стоимостью не менее 677 213 рублей) были признаны представляющими культурную ценность. Как следствие, заявитель нарушил статью 95 Федерального закона от 3 августа 2018 года № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», статьи 7 и 260 Таможенного кодекса ЕАЭС, раздела 2.20 Перечня товаров, в отношении которых установлен разрешительный порядок ввоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза и (или) вывоза с таможенной территории ЕАЭС (приложение № 2 к Решению Коллегии ЕЭК от 21 апреля 2015 года № 30 «О мерах нетарифного регулирования»).

Впоследствии апелляционная инстанция смягчила наказание. Кассационная инстанция оставила жалобу без удовлетворения.

Обратившись в Конституционный Суд Российской Федерации, И.В. Леонтьев указал, что положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации не соответствуют положениям Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования допускают произвольное истолкование и позволяют привлекать к уголовной ответственности за перемещение (ввоз) на территорию Российской Федерации физическими лицами культурных ценностей, притом что законодательство не содержит точных правил такого ввоза и не позволяет этим лицам осознавать

³⁸ Согласно пункту 4 примечаний к этой статье крупным размером культурных ценностей признается их стоимость, превышающая 100 000 российских рублей.

общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, применительно к уголовному законодательству приобретает особую значимость требование определенности правовых норм. В силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия).

В то же время принцип правовой определенности не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов. Юридические конструкции бланкетного характера могут отсылать к положениям международных договоров Российской Федерации, поскольку статья 79 Конституции Российской Федерации предусматривает возможность участия России в межгосударственных объединениях и передачи им части своих полномочий в соответствии с международными договорами. Данная правовая позиция применима и к юридическим конструкциям бланкетного характера, отсылающим к нормативным положениям актов органов межгосударственных объединений с участием Российской Федерации, принятых в соответствии с такими международными договорами.

Таким образом, обязанность декларирования ввозимых в Российскую Федерацию в качестве товаров для личного пользования культурных ценностей предусмотрена в действующей системе таможенного регулирования (подпункт 4 пункта 1 статьи 260 Таможенного кодекса ЕАЭС).

Суд пришел к выводу, что жалоба не может быть принята к рассмотрению, так как положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе часть первая и пункт 4 примечаний, не содержат неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать общественную опасность, противоправность своих действий и предвидеть наступление уголовной ответственности за их совершение, а потому не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя.

В то же время Суд указал, что в практике рассмотрения дел, связанных с недекларированием культурных ценностей при их ввозе в Российскую Федерацию, должна учитываться правовая позиция

Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой преступлению присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым.

18. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС23-1712³⁹: обеспечение равенства правового положения участников оборота, ведущих деятельность в разных государствах-членах, при осуществлении единого таможенного регулирования⁴⁰

Определением от 10 июля 2023 года Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила решения судов нижестоящих инстанций по вопросу о классификации ввезённых ООО «Новотех» на таможенную территорию ЕАЭС аккумуляторных дрелей-шуруповёртов, указав, что выбранный судами подход будет нарушать основные принципы функционирования Союза в осуществлении общего таможенного режима.

Как следует из материалов дела, ввезённые ООО «Новотех» товары с заявленным при декларировании кодом 8467 21 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС⁴¹ были переклассифицированы таможенным органом по коду 8467 29 200 0⁴². Спор о правильности классификации товаров возник на уровне субпозиции. Оспорить решения таможенного органа в арбитражных судах обществу не удалось.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, удовлетворила кассационную жалобу ООО «Новотех», придя к выводу о том, что заявленная ООО «Новотех» товарная субпозиция 8467 21 («дрели всех типов») более точно описывает классифицируемый товар.

Верховный Суд указал на необходимость принимать во внимание решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 октября 2022 года № 141 «О классификации аккумуляторной дрели-шуруповёрта

³⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам N 305-ЭС23-1712 по делу N А40-233758/2021.

⁴⁰ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела А.Н. Поповой.

⁴¹ Инструменты ручные пневматические, гидравлические или со встроенным электрическим или неэлектрическим двигателем: - со встроенным электрическим двигателем: - - дрели всех типов: - - - способные работать без внешнего источника питания" (ставка ввозной таможенной пошлины 8,5%).

⁴² "Инструменты ручные пневматические, гидравлические или со встроенным электрическим или неэлектрическим двигателем: - со встроенным электрическим двигателем: -- прочие: --- способные работать без внешнего источника питания" (ставка ввозной таможенной пошлины 10%).

в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза», которым данному виду товаров присвоен код, аналогичный заявленному декларантом. Данное решение принято в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС в странах – участниках Союза.

Верховный Суд подчеркнул, что правовое положение российских участников внешнеэкономической деятельности, осуществляющих ввоз товаров на таможенную территорию Союза через государственную границу Российской Федерации, не может быть ухудшено в сравнении с правовым положением участников оборота, ведущих деятельность в других государствах – членах Союза, в которых классификация дрелей-шуруповертов изначально осуществлялась в субпозиции 8467 21 и далее будет осуществляться на основании унифицированного подхода, изложенного в решении ЕЭК.

Иное означало бы, что декларирование товаров в таможенных органах Российской Федерации является более обременительным для участников внешнеэкономической деятельности, в то время как декларирование таких же товаров в таможенных органах иных стран – участников Союза становится более выгодным, что может неблагоприятным образом сказаться на имущественном (конкурентном) положении российских субъектов внешнеэкономической деятельности, исказить пути передвижения товаров по внешнеторговым сделкам. Такой подход будет нарушать основные принципы функционирования ЕАЭС в части осуществления единого таможенного регулирования. Со ссылкой на решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 21 июня 2016 года по делу *С-6/15 Дженерал Фрейт* Верховный Суд отметил, что таможенное регулирование относится к единой политике Союза, что в силу статьи 2 Договора о ЕАЭС предполагает применение государствами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

На основании вышеизложенного Верховный Суд удовлетворил заявленные обществом «Новотех» требования, придя к выводу о правильности избранной декларантом классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС и об отсутствии у таможенного органа законных оснований для изменения классификации.

19. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 августа 2023 года по делу № А09-1751/2021: включение лицензионных платежей в таможенную стоимость⁴³

В постановлении от 17 августа 2023 года Двадцатый арбитражный апелляционный суд рассмотрел вопрос о доначислении таможенных платежей путем включения лицензионных платежей за использование товарного знака «BERSHKA» и дивидендов от перепродажи товаров в таможенную стоимость.

Поводом для рассмотрения апелляционным судом дела стала отмена Верховным Судом Российской Федерации решений судов первой и апелляционной инстанции. Апелляционный суд повторно рассмотрел жалобу ООО «Бершка СНГ», импортёра одежды, обуви и аксессуаров, маркированных товарным знаком «BERSHKA», реализуемых в фирменных розничных магазинах «BERSHKA» в Российской Федерации, а также через интернет-магазин, на решение Арбитражного суда Брянской области от 20 апреля 2023 года, которым обществу отказано в удовлетворении заявленных требований.

В своей жалобе юридическое лицо обжаловало решение таможни о доначислении таможенных платежей ввиду перерасчета таможенной стоимости ввозимых товаров, в частности, включения в нее лицензионных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности, а также дивидендов, выплаченных иностранному учредителю, являющемуся также поставщиком товаров, просило отменить решение суда первой инстанции и принять по делу новый судебный акт.

Из обстоятельств дела следовало, что ООО «Бершка СНГ» заключило договор коммерческой концессии с ITX Marken B.V. (правообладатель, предоставляющий права на товарные знаки и ноу-хау по договору) с целью продвижения товаров на внутреннем рынке Таможенного союза по требованию продавца BERSHKA ESPANA S.A. (Испания), что является условием продажи ввозимых товаров и, как следствие, влияет на установление продавцом стоимости сделки.

Согласно подпункту 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, в таможенную стоимость включаются лицензионные платежи за использование объектов интеллектуальной собственности, если они относятся к ввозимым товарам и их уплата является условием продажи этих товаров.

Как установил суд, ООО «Бершка СНГ» по договору коммерческой концессии передается комплекс прав, который является неотъемлемой частью бизнес-модели компании BERSHKA и необходим для продажи

⁴³ Подготовлено советником экспертно-аналитического отдела Е.С. Орловой.

товаров в России. Указанный договор устанавливает ограничения лицензиата в выборе поставщиков, расторжение договора влечет потерю права на ввоз товаров, маркированных товарным знаком «BERSHKA». Право пользования объектами интеллектуальной собственности (ОИС) передается по вертикали интегрированной группы INDITEX к обществу через поставщика BERSHKA BSK ESPANA S.A. (Испания), которому, в свою очередь, передается полный комплекс прав, в том числе право пользования товарными знаками, которые фактически наносятся на товар. Расходы общества за использование этого комплекса прав суд предписал добавить к цене, фактически уплаченной (ЦФУ) за товар. Следовательно, эти платежи должны быть включены в таможенную стоимость.

Согласно подпункту 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, в таможенную стоимость включается часть дохода от последующей перепродажи товаров, которая причитается продавцу. В рассматриваемом деле учредитель и поставщик (BERSHKA BSK ESPANA S.A.) является одним иностранным юридическим лицом. Чистая прибыль, из которой выплачивались дивиденды, была получена в основном от перепродажи ввезенных этим же поставщиком товаров. Суд квалифицировал эти дивиденды как платежи, которые по форме являются дивидендами, а по сути — частью выручки от продажи товаров, причитающейся продавцу. Таким образом, в условиях взаимозависимости лиц и трансфертного ценообразования эти выплаты были признаны подлежащими включению в таможенную стоимость.

20. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа по делу № А65-15787/2022 и решение Арбитражного суда Приморского края по делу № А51-15433/2022⁴⁴: обращение к решениям ЕЭК, ухудшающим правовое положение лиц⁴⁵

В постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2023 года по делу № А65-15787/2022 по заявлению ООО ООО «СиЭс Медика» и решении Арбитражного суда Приморского края от 22 мая 2023 года по делу № А51-15433/2022 по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Фирма Консалтинг и Коммерция» рассматривались вопросы допустимости ссылок, при классификации ирригаторов, на решение Комиссии, принятое после осуществления

⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа Ф06-2106/2023 по делу № А65-15787/2022 и решение Арбитражного суда Приморского края по делу № А51-15433/2022.

⁴⁵ Подготовлено консультантом экспертно-аналитического отдела А.Б. Келдибековой.

таможенного декларирования и принятия таможенными органами оспариваемых решений.

Так, Арбитражный суд Поволжского округа постановлением от 18 мая 2023 года оставил без изменения решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 3 октября 2022 года и постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 января 2023 года, кассационную жалобу – без удовлетворения.

Как следует из материалов дела, ввезённые ООО «СиЭс Медика» товары были переклассифицированы таможенным органом в иной субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС, нежели была заявлена декларантом. Спор между заявителем и таможенным органом заключается в применении различной классификации товара (при его декларировании) в товарных позициях 9019 и 8509 ТН ВЭД ЕАЭС.

Арбитражный суд Республики Татарстан удовлетворил заявление ООО «СиЭс Медика», признал незаконными решения Татарстанской таможни и обязал Татарстанскую таможню устранить допущенные нарушения прав и интересов заявителя путем возврата денежных средств в размере 10 564 970 руб. 08 коп.

Из пояснительного письма производителя следует, что разработанные компанией ирригаторы полости рта являются лечебно-профилактическими приборами медицинского назначения. В информационных письмах производителей ирригаторов указано, что регулируемый и направленный гидромассаж десен при использовании устройств осуществляется непрерывно на протяжении всего процесса использования, эту функцию невозможно отключить, она является основной. Судом апелляционной инстанции установлено, что основным предназначением прибора является лечебно-профилактическая функция.

Как отмечено судом первой инстанции, заявитель правомерно относит спорные ввезенные товары к категории массажных препаратов, поскольку сам массаж десен является неотъемлемым процессом использования ирригаторов и функция массажа десен, вопреки доводам таможенного органа, согласно сопроводительным документам не обозначена как дополнительная. Поскольку спорные товары являются медицинскими изделиями, то они не являются товарами, используемыми обычно в домашнем обиходе. При этом, вопреки доводам таможенного органа, само по себе использование товара в домашних условиях, при длительных поездках и путешествиях не является основанием для его отнесения к бытовому товару товарной позиции 8509 ТН ВЭД ЕАЭС.

Ссылку Татарстанской таможни на Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 сентября 2022 года № 131 суд апелляционной инстанции на основании пункта 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза», отклонил, указав, что в соответствии с пунктом 17 Положения о Евразийской экономической комиссии решения Комиссии, ухудшающие положение физических и (или) юридических лиц, обратной силы не имеют. В связи с этим принятие Комиссией решения о классификации ирригаторов, в силу которого их ввоз на таможенную территорию ЕАЭС будет облагаться дополнительными таможенными платежами, не может иметь правового значения в отношении юридически значимых действий, возникших/совершенных до даты вступления в силу такого решения.

На основании вышеизложенного суд кассационной инстанции оставил в силе решения судов первой и апелляционной инстанций, придя к выводу о правильности избранной декларантом классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС и об отсутствии у таможенного органа законных оснований для изменения классификации.

Схожий подход наблюдается в решении Арбитражного суда Приморского края по делу № А51-15433/2022 от 22 мая 2023 года.